

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСЛАМСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ

Е.В. Музыкаина

АННОТАЦИЯ

Современный мир переживает эпоху турбулентных перемен, избежать которые не в состоянии ни один аспект жизни человеческого общества. Религиозный аспект не является исключением, несмотря на то, что на протяжении столетий именно религия считалась той «тихой гаванью», которая можно послужить укрытием среди волн бушующего мира. Данная ситуация, в свою очередь не может не наложить соответствующий отпечаток на исследовательскую сферу. В условиях постпривычного времени, с его комплексностью, противоречиями, хаосом и мгновенными переменами, религиозоведческая работа требует применения новой эпистемологии и методологического аппарата. На примере исламских исследований в статье предлагается вариант интеграции традиционных подходов с новыми, относящимися к дисциплине «Исследования перспектив будущего». В качестве результата подобного эксперимента в статье предлагается перечень новых тем для исследователей-исламоведов и разбор вариантов сценариев будущего.

Ключевые слова: ислам, постпривычное время, исследования перспектив будущего, перспективное мышление.

Центр постпривычной политики и исследований перспектив будущего

Автор-корреспондент:
Е.В. Музыкаина,
yelena@andrews.edu

Ссылка на данную статью:
Музыкаина Е.В.
Эпистемология исламских исследований в постпривычное время // Адам әлемі. – 2024. – №2 (100). – С. 170-180

Постқалыпты заман исламтану эпистемологиясы

Аңдатпа. Қазіргі әлем адамзат қоғамының ешбір саласы айналып өтпейтін турбулентті өзгерістер дәуірін бастан кешіруде. Ғасырлар бойы турбулентті әлемнің толқындары арасында пана бола алатын «қауіпсіз баспана» дін болып саналғанына қарамастан, діни аспект ерекшелік емес. Бұл жағдай өз кезегінде ғылыми-зерттеу саласында тиісті із қалдырмауы мүмкін емес. Күрделілігімен, қайшылықтарымен, бейберекеттігімен және жылдам өзгерістерімен кейінгі әдет-ғұрыптық уақыт жағдайында дінтану зерттеуі жаңа гносеология мен әдістемелік аппаратты пайдалануды талап етеді. Мақалада исламтану үлгісін пайдалана отырып, «Болашақ перспективаларын зерттеу» пәніне қатысты дәстүрлі тәсілдер мен жаңа әдістерді біріктіру нұсқасы ұсынылған. Осындай тәжірибе нәтижесінде мақалада ислам ғұламалары үшін жаңа тақырыптардың тізімі ұсынылып, болашақта болуы мүмкін сценарийлерге талдау жасалған.

Түйін сөздер: ислам, постқалыпты заман, болашақ перспективаларын зерттеу, болашақты ойлау.

Islamic Studies Epistemology in Postnormal Times

Abstract. The modern world is experiencing an era of turbulent changes, which no aspect of human society can avoid. Religion has no way to become an exception, even though, for centuries, it was considered a “safe harbor” that can provide shelter among the waves of a turbulent world. This situation, in turn, cannot but call for reciprocal actions in the research field. In postnormal times characterized by complexity, contradictions, chaos, and instant changes, Religious Studies require the use of a new epistemology and methodological apparatus. Taking Islamic Studies as an example, the article suggests integrating traditional approaches with new ones borrowed from the Futures Studies discipline. As a result of such an experiment, the article proposes a list of new topics for Islamic Studies scholars and an analysis of possible futures scenarios, emphasizing their diversity.

Key words: Islam, Postnormal Times, Futures Studies, Futures Thinking.

Введение

Сегодня мир меняется все настойчивее и быстрее, чем это происходило с ним, когда он переступил порог XXI века. Все сложнее становится, что называется «идти в ногу со временем». И причина кроется не только в новых технологиях – ChatGPT, нейросети, LM-Nav [1], – но в самом характере перемен, которые мы переживаем. Они происходят с неимоверной скоростью, не оставляя порой времени для того, чтобы свыкнуться с ними, и повергая нас в водоворот неопределенности. Таково постпривычное время, в которое мы живем. В этом урагане непонятных, расплывчатых перспектив и горизонтов будущего самая большая опасность подстерегает тех, кто не готов к переменам, а вернее, не готов меняться вместе с ними, адаптируясь к новым, постоянно изменяющимся условиям.

Насколько сфера религии и религиозного опыта готова к подобного рода переменам? Вопрос далеко не праздный, поскольку, например, в социологии религии в последние десятилетия наблюдается рост количества теоретических подходов и направлений, представляющих религию с разных ракурсов и позиций. В результате этого складывается весьма мозаичная картина осмысления видения религии сегодня, будь то представления об ее упадке, росте или изменении. Некоторые исследователи категоризируют новые концепции в трёх парадигмах: «старой парадигме секуляризации» [2], исключающей религиозный фактор из жизни общества на долго время; «новой парадигме» [2], возвращающей религию в сферу общественного бытия; и «третьей парадигме трансформации» [3], которая утверждает социальную значимость религии, поскольку та переживает перемены и видоизменяется в процессе духовного поворота, называемого Ван дер Веером «историческим переломом» [4]. Все они появляются по мере необходимости, поскольку «старые теории больше не соответствуют реальности и им приходится либо обновляться, либо уступить место другим теориям» [5, с. 133]. Такая ситуация отсутствия привычного консенсуса подтверждает постпривычное бытие самой религии, которая сегодня все чаще противопоставляется «духовности» [6, 7].

Указанные подходы получили распространение на почве исследования европейского опыта религиозного бытия, связанного в первую очередь с христианством. Однако, мир ислама переживает не менее серьезные перемены, давно выйдя за рамки своей традиционной географической принадлежности [8]. Если раньше внимание мусульманскому миру и его представителям уделялось в основном в контексте либо исторического прошлого (коранические исследования, классическая исламская философия и ее интеллектуальное наследие, иногда архитектура и искусство периода «Золотого века» ислама), либо политического настоящего (политический ислам, исламский терроризм, исламистские группы), то сегодня ислам (в частности страны мусульманского большинства) постпривычного времени отличается своим глобальным влиянием в различных сферах жизни мирового сообщества, порой противоречивым: от предложений по урегулированию международных конфликтов [9] или поддержания их [10], до критического влияния на формирование новых стандартов мировой экономики [11]. Данная ситуация подразумевает разработку новых эпистемологических подходов в исламских исследованиях с учетом характеристик того времени, в которые они проводятся, а именно постпривычного времени. Поэтому целью настоящего исследования стало представить новые взгляды на развитие исламоведения в ракурсе быстро меняющегося, хаотичного мира, наполненного неопределенностями и противоречиями. Поскольку исламские исследования уделяют недостаточно внимания сфере будущего ислама, применения дисциплины «Исследование перспектив будущего» при обсуждении указанной темы представляется существенным научным вкладом в разработку данного направления.

Методология

Методология настоящего исследования включила в себя, в первую очередь, методологию междисциплинарного уровня, а также методы философской рефлексии, методологию частных наук и общенаучную методологию, что соответствует современным тенденциям

формирования так называемой интегральной методологии в науке. Данный подход к методологии исследования позволяет преодолевать методологический нормативизм, расширив спектр инструментов, востребованных на современном витке развития общества, создавая возможность выстраивать новый понятийный, методологический и концептуальный аппараты.

Из философской методологии в работе можно проследить такие базовые принципы и методы, как восхождение от абстрактного к конкретному, принципы развития, принцип целостности и конкретности, системности и т.д. Из междисциплинарных общенаучных методов был использован сравнительный анализ в форме сравнительно-историко-типологического анализа, позволяющий выявить сходство не связанных между собой феноменов. Из методов конкретных дисциплин был использован широко распространенный в исследованиях перспектив будущего метод сценарного планирования, а также анализ трендов и сигналов. В свою очередь, междисциплинарный подход помог углубиться в обширное исследовательское пространство, которое открывается на стыке таких дисциплин, как исламоведение, философия, исследование перспектив будущего. Благодаря междисциплинарному подходу подчеркивается особая исследовательская чувствительность к изменениям образцов исследования, доказательства, обоснования, наращивать круг объясняемых эмпирических фактов.

Ислам и постпривычное время. Новый взгляд на традицию

Объяснительные теории современности часто оперируют такими понятиями как постмодерн, пост-постмодерн, VUCA-мир [12], мир-BANI [13] и т.д. в определении характеристик мира, в котором мы живем. Помогая в определенной степени понять происходящее вокруг нас, они, тем не менее не дают представления о том, куда этот мир движется и как можно справляться с тем, что в нем происходит. Данный недостаток, на наш взгляд, смогла избежать теория постпривычного времени, предложенная современным исламским мыслителем

Зияуддином Сардаром. Рассмотрим ее основные положения, насколько это возможно в рамках данной статьи.

Постпривычное, как концепция, первоначально было предложена Сильвио Фунтовичем и Джерри Равецом [14]. Они заметили исследованием математики рисков и обратили внимание на изменения, происходящие в науке, которая традиционно основывалась на фактах и эмпирических данных, приводивших к истинным выводам. Но учение заметили, что теперь это поле было отмечено большой неопределенностью. А вместе с изменениями в финансировании, коммерциализацией науки, обеспокоенностью общества по поводу развития научных направлений и сложными вопросами безопасности, - все это означало, что наука больше не функционировала «привычным» образом. Поэтому Равец и Фунтович вынуждены были сделать следующий вывод: «Всякий раз, когда возникает вопрос, связанный с правилами и нормами, затрагивающими науку, мы обнаруживаем, что факты неопределенны, комплексность является нормой, ценности спорны, ставки высоки, решения срочны и существует реальная опасность того, что антропогенные риски выйдут из-под контроля» [15, р. 642].

Однако только после того, как Зияуддин Сардар опубликовал свою ключевую статью «Welcome to Postnormal Times» [16], концепция постпривычного времени (ППВ) была официально определена как новая теоретическая область. Сардар охарактеризовал ППВ как «промежуточный период, когда умирают старые ортодоксии, новые еще не родились, и, кажется, что очень немного имеет смысл» [16, р. 435]. Как мы там оказались? Тот факт, что скорость перемен в наше время ускоряется, напрямую связано с этим, а также наша способность общаться с миллионами людей со скоростью света, что происходит благодаря социальным сетям. Мы живем в глобализованном мире, который взаимосвязан и взаимозависим во многих отношениях. Новости и информация, а также злоупотребления ими и дезинформация распространяются с поразительной скоростью. И мы готовы действовать и взаимодействовать на их основе мгновенно.

Все эти взаимосвязи, действия и взаимодействия на всех уровнях, от локального до глобального, в каждый момент нашей жизни, постоянно и беспрочно порождают изменения, которых мы раньше не видели и не испытывали. Вот эти изменения и называются постпривычными. Они являются прямым продуктом скорости, с которой происходят перемены; глобального размаха этих перемен; того факта, что эти изменения могут снизойти в своем масштабе до индивидуального уровня; и часто они демонстрируют одновременность. Скорость-размах-масштаб-одновременность определяют динамику, которая порождает постпривычные изменения.

Постпривычные изменения не обязательно приводят к постпривычному феномену как таковому. Но во взаимосвязанном и глобализованном мире, с бесконечным количеством легитимных и нелегитимных точек соприкосновения, множественностью перспектив и многочисленными взаимодействующими элементами с нелинейными отношениями, они выдвигают противоречия на первый план и увеличивают комплексность систем. Теперь система в целом представ-

ляет собой нечто большее, чем простую сумму ее частей и составляющих. Она обладает свойством эмерджентности, то есть ее нельзя анализировать по частям, а можно понять только в полном, совокупном виде. Кроме того, ее взаимодействующие компоненты отличаются способностью к самоорганизации, создавая новые модели и структуры. Комплексность и противоречия затем порождают виток положительной обратной связи, ведущие к хаосу. Именно когда все три компонента – комплексность, противоречия и хаос – объединяются, возникает постпривычный феномен.

Оба набора характеристик, первый, включающий скорость-размах-масштаб-одновременность (speed-scale-simultaneity: 4Ss), и второй комплексность-противоречия-хаос (complexity-contradictions-chaos: 3Cs) составляют основные столпы теории постпривычного времени.

Предвосхищая вопрос об отождествлении ППВ с тем, что большинству известно гораздо лучше – с постмодерном, хотелось бы привести сравнительную таблицу, составленную на основании работы Лайана Майи (17, p. 72-73):

Таблица 1- Сравнение характеристик постмодерна и постпривычного времени

	Постмодерн	Постпривычное время
1.	Философский проект	Теория изменений
2.	Основная проблема – истина отсутствует	Основная проблема – перемены и то, как они изменяются
3.	Уничтожение «Великих нарративов»	«Великие нарративы» нельзя игнорировать; они глубоко укоренены и вызывают столкновения, конфликты и разногласия вокруг
4.	Различие между образом и реальностью, реальностью и образом исчезло.	Критически дифференцирует и различает 'я', «сфабрикованное поле привычности» и реальность; проводит различие между воспринимаемыми и реальными изменениями
5.	Стремление дать право голоса Другому, но на собственных условиях постмодерна	Продвижение полилога: собственная история, религии и мировоззрение Другого имеют вес и свой смысл
6.	Доминирующие эмоции ирония, насмешки, сомнения и цинизм (Салмана Рушди. <i>Сатанинские стихи</i>)	Доминирующие эмоции неуверенность, незнание, поиск смысла (Дж. Уиллоу Уилсон. <i>Алиф-неведимка</i>)
7.	Ни цели, ни средства не нуждаются в моральном оправдании; люди лишены совести	В основе решения проблем лежат «древние моральные ценности»
8.	Представляет собой конечную цель человечества	Является переходным периодом между «уже нет» и «еще нет».

Таким образом, мы видим существенное отличие именно в эпистемологической направленности двух срав-

ниваемых феноменов.

Расширить данное сравнение хотелось бы с помощью уже не философско-по-

знавательных примеров, а практически направленных, так сказать, материальных артефактов, порожденных эпохой. Они предложены Сардаром в его статье «Постпривычные артефакты» [18, р. 193-200], где наряду с постмодерном он проводит сравнение с классическим периодом и эпохой модерна. Отмечая, что эти периоды могут пересекаться, он тем не менее подчеркивает разницу между ними. Сардар дает своего рода предварительное заключение, поскольку мы находимся только на начальной стадии ППВ, т.е. сами живем в нем. Поэтому в данной ситуации сложно проводить четкое разграничение и быть объективными. Это скорее описание проживаемого процесса, и чем он может отличаться от предыдущих. В целях данного исследования, приведем лишь некоторые постпривычные артефакты, предлагаемые Сардаром в сравнении с другими эпохами, которое человечество уже пережило:

Смысл

Классика: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Модерн: «Я развиваюсь, следовательно, я существую»

Постмодерн: «Я покупаю, следовательно, я существую».

Постпривычность: «Я делюсь, следовательно, я существую».

Истина

Классика: монолитна.

Модерн: монолитна.

Постмодерн: относительно и множественна.

Постпривычность: противоречива.

Идентичность

Классика: «Я — традиция и культура».

Модерн: «Я — наука и технологии».

Постмодерн: «Я — то, что я покупаю».

Постпривычность: «Я — моя страница на Facebook».

Знание

Классика: проведение обоснованного исследования...

Модерн: ...ставшего возможным благодаря научному прогрессу и развитию.

Постмодерн: социально сконструировано и относительно, Википедия.

Постпривычность: «расширенные факты», заложенные в неопределенности и незнании.

«Божество»

Классика: «Бог везде и во всем».

Модерн: «богом является Истина» (ранний модерн); «Бог мертв» (поздний модерн).

Постмодерн: «бог — это машина» или «бог — это я».

Постпривычность: «богом является невежество».

Религия (роль)

Классика: религия объясняет мир.

Модерн: религия помогает нам понять мир.

Постмодерн: религия была ложью; либеральный секуляризм — новая теория спасения.

Постпривычность: религия — неопределенный феномен, поэтому должна быть открыта для множественных интерпретаций и стать комплексной.

Терроризм

Классика: городские банды, терроризм во имя независимости («Битва за Алжир»).

Модерн: локальный, с конкретными целями (ИРА, баскские сепаратисты).

Постмодерн: глобальный, террористы-смертники, негосударственные субъекты (Аль-Каида).

Постпривычность: глобальный, взаимосвязанный, с привлечением социальных сетей, территориально ориентирован («Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), Талибан, Боко Харам).

Рассматривая все это разнообразие, больше похожее на бесконечный набор частей мозаичного панно, которое необходимо собрать, невольно возникает вопрос: «Что все это значит для ислама? Как постпривычное время и ислам взаимодействуют?» Очевидно, что исследовательская работа в области исламских исследований должна строиться на новой основе. И в качестве нового инструментария хочется предложить методологию «Исследований перспектив будущего» (futures studies), успешно зарекомендовавшую себя во многих областях как практического, так и исследовательского направления [19, 20, 21].

Начнем с того, что сегодняшний исламский дискурс по большей части посвящен прошлому и в какой-то мере настоящему. Но в условиях повышенной неопределенности он должно включать в себя и будущее. Есть два способа сделать это. Традиционный вариант — включать в заголовки повествований

слово «будущее». Тому есть ряд примеров работ известных исследователей в области ислама:

- Реза Аслан. Нет бога, кроме Бога: истоки, эволюция и будущее ислама (Reza Aslan. No God but God: The Origins, Evolution and Future of Islam) [21, 22]

- Тарик Рамадан. Мусульмане Запада и будущее ислама (Tariq Ramadan. Western Muslims and The Future of Islam) [23]

- Джон Эспозито. Будущее ислама (John Esposito. The Future of Islam) [24].

Однако термин «будущее» здесь является скорее временным приложением, чем признанием того, что исследования перспектив будущего (futures studies) являются развитой и сложной академической областью изучения, имеющей собственный терминологический аппарат, инструментарий и теоретические изложения [25]. Всемирная федерация исследований перспектив будущего, давая определение данной дисциплине говорит, что это «искусство и наука, в которой особое внимание уделяется воображению и творчеству при создании различных возможных вариантов будущего. Ее основная цель — выявить и освоить сложные причинно-следственные связи посредством концептуализации, системного подхода и циклов обратной связи, что в конечном итоге обеспечивает инновации в социальной и технологической областях» [26].

Применение дисциплины под названием «Исследования перспектив будущего» требуют наличие у исследователя «осознанности перспектив» (futures consciousness), под которой понимается «оценка ускоряющихся перемен, осознание потенциалов и ловушек, которые могут скрывать за горизонтом в не столь отдаленном будущем, и приверженность формированию желаемого будущего» [27, р. 330]. Но наше будущее формируется нашим прошлым и настоящим. Поэтому необходимо критически оценить состояние этих двух парадигм в исследовании ислама на текущий момент, а также то, какое влияние они могут оказать на выстраивание вариантов будущего.

Значение прошлого

Рассматривая прошлое ислама и историю мусульман критическим взглядом,

можно увидеть, что они полны идей, которые скорее закрывают, чем открывают двери будущего для выявления альтернативных потенциалов и возможностей. Приведем лишь несколько примеров:

- широко распространенное среди рядовых мусульман и исламских теологов ряда направлений представление о том, что совершенное общество существовало во времена Пророка Мухаммада и праведных халифов;

- Имеющее повсеместное хождение идея, что «ислам – это самодостаточный образ жизни», и он дает ответы на все вопросы;

- Теологический посыл, что двери иджитхада закрыты; и наконец,

- Восприятие шариата исключительно как повелений божественного происхождения.

Глядя на эти, далеко не исчерпывающие весь список, примеры, можно заключить, что мусульманские сообщества живут историей, а не творят ее. Поэтому Сардар и говорит, что «никакой прогресс невозможен, если считается, что весь прогресс уже закончился в прошлом» (28, р. 312).

Однако, чтобы быть до конца честными, необходимо также отметить, что в истории ислама существовали идеи, ориентированные на будущее, которые могут помочь не только мусульманским сообществам и исламоведам переосмыслить настоящее, тем самым переосмыслив роль ислама в ППВ. Например:

1) Мединская конституция (622 г.н.э.) – документ, направленный на построение инклюзивного общества, где ко всем относятся одинаково на основе закона и не ссылаются на какую-либо другую внесудебную власть.

2) Худайбийское соглашение (628 г.н.э.) – модель компромисса, демонстрирующая, что он необходимо, хотя это может быть болезненным, и даже может подрвать ваши заветные убеждения. Однако он жизненно важен для формирования более продуктивного будущего. Главным инструментом в повседневной деятельности должна быть дипломатия, а не танки и ракеты.

3) Всеобщая амнистия в Мекке после ее завоевания мусульманами в 630 году – представляет собой урок прощения, урок из жизни пророка Мухаммада, ко-

торый указывает на важность моральных ценностей для будущего.

Сардар отмечает, что «Таким образом, прошлое играет важную роль в будущем. Но прошлое, состоящее из преклонения перед людьми ушедшей эпохи, перед предметами, достойными разве что музея, и идеями, не имеющими современной ценности, не улучшает жизнь – оно ведёт нас назад, а не вперёд. Традиции – важная составляющая нашей идентичности. Но традиция также может стать токсичной, жизнеотрицающей силой, убивающей инновации и критическое мышление. Действительно, традиции остаются традициями только в том случае, если они меняются; в противном случае они превращаются в окаменелые обычаи, которые душат и высасывают жизнь из живой культуры» [28, p. 318].

В поисках места для настоящего

Рассуждая о настоящем, нам следует помнить, что оно не статично, поскольку изменения в ППВ происходят мгновенно. Сардар выделяет пять конкретных элементов нашего настоящего, которые нам следует учитывать при формировании устойчивого будущего [28, p. 320-323]:

1) Мы живем в глобализованном мире: он взаимосвязан, не имеет границ, ни что в нем не существует изолированно, говорим ли мы о странах или проблемах, которые становятся глобальными;

2) Проблемы, с которыми мы сталкиваемся, комплексны, поэтому простых решений для них не существует;

3) Мы постоянно находимся на грани хаоса, который начинается с небольших возмущений – эмоций, волнений. бес-

покойств, – но быстро приобретает глобальные масштабы.

4) Настоящее полно противоречий, которые являются естественным продуктом комплексного, переплетающегося мира с бесчисленным количеством конкурирующих интересов и идеологий;

5) Неопределенность – это норма. В обычное время неопределенности невелики и ими можно управлять, но в ППВ неопределенность занимает центральное место, и ничто не может быть описано с уверенностью.

Итак, настоящее изменчиво, подвижно, комплексно, противоречиво и полно неопределенностей. Все это будет оказывать влияние на формирование будущего.

Задумываясь о перспективах будущего

Основой любого исследования перспектив будущего (ИПБ) является анализ трендов. Под трендом в ИПБ понимается мера изменений, заметное преобразование, как правило, в сторону роста, в течение определенного периода времени в конкретных условиях [29]. Среди трендов исламского мира сегодня можно выделить следующие [30, с. 31-170]: рост народонаселения, критическое изменение климата и окружающей среды, рост миграции и числа беженцев, распространение авторитарных форм правления, рост вооруженных конфликтов и террористических актов, гендерное неравенство, нехватка медицинского обслуживания, рост исламофобии и выступлений ультраправых и многое другое. Если нынешние тенденции сохранятся, – а с большинством из них именно это

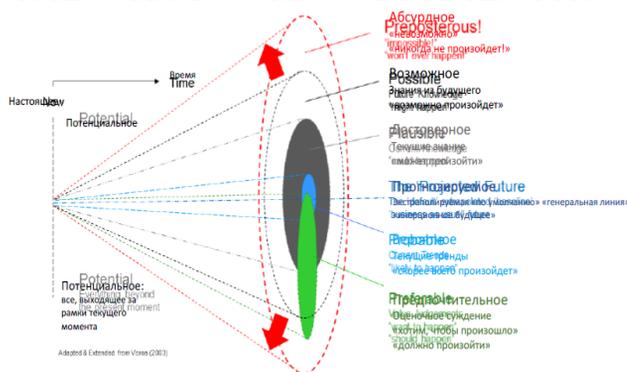

Рисунок 1 - Конус вариантов будущего Джозефа Вороса

и произойдет, – то что это означает для будущего, скажем, академической науки, в частности – исламоведения?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, в первую очередь необходимо понять, что дисциплина «Исследования перспектив будущего» подразумевает множественность вариантов будущего, что хорошо отражается в известном «Конусе перспектив будущего Вороса» [31].

- Потенциальное будущее определяет все, что находится за пределами настоящего момента. Оно исходит из предположения, что будущее не определено и «открыто», что, скорее всего, является основной аксиомой изучения перспектив будущего.

- Прогнозируемое будущее: только оно возникает в единственном числе, потому что это будущее экстраполирует продолжение тенденций прошлого, проходящих через период настоящего. Это то будущее, которое можно рассматривать как «наиболее вероятное» из вероятных перспектив будущего.

- Вероятные варианты будущего вырастают из анализа текущих трендов.

- Достоверные варианты будущего «могут» произойти, основываясь на нашем современном понимании того, как устроен мир (физические законы, социальные процессы и т. д.).

- Возможные перспективы будущего «возможны» в результате получения определенных знаний в будущем, которыми мы пока не обладаем, но в свете развития науки и техники можем когда-нибудь получить.

- Абсурдные перспективы будущего могут быть описаны как «нелепые», «невозможные» или «невероятные». Данная категория представляет собой слияние «Второго закона» Артура К. Кларка («способ открыть пределы возможного – выйти за пределы невозможного» [32, р. 2]) и Второго закона Джеймса А. Дейтора («любая полезная идея о будущем должна казаться нелепой» [33]).

- Предпочтительные варианты будущего возникают из наших устремлений и предпочтений того, каким мы хотим видеть будущее. Это нормативно-ценностные суждения, которые противостоят познавательным, описанным выше. В то же время возникает противоположная группа: нежелательное бу-

дущее, которое, по нашему мнению, не должно произойти и которому нельзя позволить произойти.

Поэтому, исходя из приведенного выше перечня вариантов будущего – который в современной практике футурологов является далеко не полным – развитие академических исламоведческих исследований может пойти в разных направлениях. Возьмем для примера варианты формирования исследовательских тем: в каком направлении они могут развиваться?

Вариант, соответствующий «прогнозируемому будущему», скорее всего укажет нам на то, что в будущем список может остаться неизменным и включать в себя вопросы, касающиеся в основном авторитарных режимов в исламском мире, неравенства, угнетения, сектантских разногласий, социальной розни и насилия, которые наблюдаются сегодня в мусульманских обществах. Но в будущем все это перейдет на новый уровень, формируя тем самым собой «расширенное настоящее» или «вероятное будущее».

Однако призма «исследований перспектив будущего» высвечивает, что кроме трендов для формирования более адекватных и возможных вариантов будущего необходимо принимать во внимание еще и сигналы или так называемые «назревающие проблемы/возможности», которыми исламский мир также не обделен [30, с. 181-290]. Под назревающими проблемами/возможностями понимаются события, которые еще не получили широкого освещения и принятия, но которые могут оказать серьезное влияние – как положительное, так и отрицательное – на формирование вариантов будущего [34]. Поэтому, объединяя текущие тренды и сигналы на будущее, список исследовательских проектов в исламоведении может выглядеть следующим образом, затрагивая как уже существующие аспекты, но в новом ракурсе, так и предлагая совершенно новые:

- «Почему исламские ценности несут с собой угнетение, дискриминацию и насилие в мусульманских сообществах?»

- «Ислам и система “Зеленого халифата” в решении экологических проблем»

- «От супермена до человека, борющегося с трудностями. В поисках настоящего Мухаммеда»

- «Шариат: роль человека в Божьем даре»

- «Глобализация: должны ли мусульмане действовать с точки зрения веры или этики?»

- «Является ли ислам единственной истиной?»

- «Новая государственность мусульманских беженцев»

- «Потерянное мусульманское поколение: будущее молодежи конфликтов и военных зон»

- «Прорыв китайских мусульман»

- «Дубай как новая столица мира»

- «Смарт-ислам»

- «Империя ДАИШ наносит ответный удар: нанотехнологии на службе экстремистов»

- «Мусульманская исламофобия»

Конечно, подобного рода новые темы на первый взгляд могут показаться шокирующими, поскольку не вписываются в нашу существующую сегодня когнитивную схему. Однако при их критическом и вдумчивом изучении ученые могут внести вклад не только в дальнейшее развитие мусульманского, но и в мирового сообщества и построение желаемого будущего. Один из вероятных его сценариев хочется предложить прямо сейчас.

Вероятное предпочтительное будущее:

Исламский мир свободен от сектантства и междоусобиц, насилия и террора, пыток и жестокости, где дети могут расти здоровыми и процветающими и где общество находится в мире с самим собой. Люди живут в мире и взаимном уважении как с представителями разного вероисповедания, так и с неверующими. Раса, пол и убеждения каждого имеют равный статус в обществе, а к пожилым людям и инвалидам относятся с уважением и почтением. Все, богатые или бедные, правители и управляемые, мужчины и женщины, равны перед законом, и богатство не накапливается в руках избранной элиты. Инакомыслие и критика не просто терпят, но и поощряются, плюрализм и многообразие признаются и активно поддерживаются.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что постривычное время накладывает свой отпечаток на многие аспекты развития

современного общества, в том числе и на религиозную сферу бытия. Ислам не является исключением и переживает бурные процессы перемен, которые должны найти свое отражение в исследовательской науке. В условиях неопределенности требуется новый эпистемологический аппарат, который поможет не только справляться с когнитивным диссонансом, возникающим в условиях гносеологической турбулентности из-за небывалых потрясений, происходящих во взаимопереплетенном, противоречивом и хаотичном мире. Нужны новые методы, помогающие двигаться вперед в этом океане постпривычных феноменов.

В нашем исследовании был предложен такой новый подход с использованием дисциплины «Исследование перспектив будущего», чей специфический аппарат помогает представлять возможные и вероятные варианты развития событий. Основное внимание было уделено тому, как при использовании контекста ИПБ может измениться сама тематика исследовательской работы в сфере ислама, насколько разнообразной она может стать, уйдя от традиционного узкого перечня тем, связанных лиду с прошлым исламской цивилизации, либо с настоящим. При этом, фактор, который может в будущем стать перспективной темой исследования – сами исламоведы. Насколько может быть серьезным их влияние как исследователей, вовлеченных в процесс, на разрабатываемые темы? Как они могут относиться – положительно или отрицательно – к открывающимся возможностям? Чувствуют ли они себя активными участниками или обреченными жертвами системы? Ответы на эти вопросы помогут сформировать картину будущего исламоведения, которое можно постараться смоделировать.

И среди возможных вариантов будущего важно выделить то, которое выглядит для нас самым привлекательным, которое мы можем назвать «предпочтительным». Ориентируясь на него уже сегодня, можно и нужно проводить изменения в исследовательской среде. Чего мы хотим избежать? Влияние чего необходимо минимизировать? Что мы не хотим видеть в нашем будущем? Ответом на эти вопросы должны стать действия,

способные приблизить предпочитаемую нами грядущую действительность.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (Грант BR21882428 «Влияние и перспективы ислама как духовно-культурного, политического, социального явления в постнормальные времена: опыт стран Ближнего Востока и Центральной Азии»)

Список литературы

1 Shah D., Osinski B., Ichter B. & Levine S. LM-Nav: Robotic Navigation with Large Pre-Trained Models of Language, Vision, and Action. Cornell University. – 2022 // [Electronic source] URL: <https://arxiv.org/abs/2207.04429> (Accessed 21.06.2024).

2 Warner R. S. Work in progress toward a new paradigm for the sociological study of religion in the United States // *American Journal of Sociology*. – 1994. – №98. – P. 1044–1093.

3 Heelas P., Woodhead L. The spiritual revolution: Why religion is giving way to spirituality. – Oxford, UK, Blackwell, 2005.

4 Van der Veer P. Spirituality in modern society // *Social Research*. – 2009. – №76(4). – P. 1097–1120.

5 Rutkevich Ye.D. Religiya v global'nom prostranstve: podkhody, opredeleniya, problemy v zapadnoy sotsiologii [Religion in the global space: approaches, definitions, problems in Western sociology] // *Vestnik Instituta sotsiologii*. – 2017. – №1(8). – S. 132–161. (in Russ)

6 Assessing spirituality in a diverse world. – Switzerland: Springer, 2021.

7 Rutkevich Ye.D. «Sotsiologiya dukhovnosti»: problemy stanovleniya ["Sociology of spirituality": problems of formation] // *Vestnik Instituta sotsiologii*. – 2014. – № 9. – S. 36–65. (in Russ)

8 Jenkins Ph. The God's Continent: Christianity, Islam, and Europe's Religious Crisis. – Oxford University Press, 2007.

9 Robertson N. Saudi's MBS wants more than peace at his Ukraine summit // *CNN*. 10 August 2023 // [Electronic source] URL: <https://edition.cnn.com/2023/08/04/middleeast/saudi-ukraine-peace-forum-mime-intl/index.html> (Accessed 20.06.2024).

10 Avdaliani E. Iran and Russia Enter A New Level of Military Cooperation // *Stimson*. 6 March 2024 // [Electronic source] URL: <https://www.stimson.org/2024/iran-and-russia-enter-a-new-level-of-military-cooperation/> (Accessed 20.06.2024).

11 Tran H. Is the end of the petrodollar near? // *The Atlantic Council*. 20 June 2024 // [Electronic source] URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/is-the-end-of-the-petrodollar-near/> (Accessed

18.06.2024).

12 Bennett N. & Lemoine J.G. What VUCA really means for you // *Harvard business review*. – 2014 №92 // [Electronic source] URL: https://www.researchgate.net/publication/263926940_What_VUCA_really_means_for_you (Accessed 18.06.2024).

13 Shrimpron M. BANI: What is it and how can it help us? // *The IMPACT*. 23 October 2023 // [Electronic source] URL: <https://www.impactinternational.com/insights/bani-what-it-and-how-can-it-help-us#:~:text=In%20response%20to%20this%20need,non%2Dlinear%2C%20and%20incomprehensible> (Accessed 18.06.2024).

14 Funtowicz S. O., & Ravetz J. R. Science for the post-normal age // *Futures*. – 1993. – № 25(7). – P. 739–755.

15 Funtowicz S. O., & Ravetz J. R. Post-normal, science: an insight now maturing // *Futures*. – 1999. – №31(7). – P. 641–646.

16 Sardar Z. Welcome to postnormal times // *Futures*. – 2010. – №42(5). – P. 435–444.

17 Mayo L. Manufactured Worldviews and the Shifting Landscape of Digital Knowledge. // *Emerging epistemologies: The Changing Fabric of Knowledge in Postnormal Times*. – International Institute of Islamic Thought, and Centre for Postnormal Policy & Future Studies, 2022. – P. 65–83.

18 Saradar Z. Postnormal Artifacts // *The Postnormal Times Reader*. IIIT & CPPFS, 2019. – P. 187–220.

19 Marien M. Futures studies in the 21st century: a reality-based view // *Futures*. – 2002. – №34(3–4). – P. 261–281.

20 Duin P. A. Qualitative futures research for innovation. – Eburon Uitgeverij BV, 2006.

21 Bishop P., Hines A. Teaching about the future. – Palgrave Macmillan, Houndsmill, 2012.

22 Aslan R. Net boga, krome Boga: istoki, evolyutsiya i budushcheye islama [There is no god but God: the origins, evolution and future of Islam]. – M.: Azbuka, 2019. – 480 c. (in Russ)

23 Aslan R. No God but God: The Origins, Evolution and Future of Islam. – London, William Heinemann, 2005.

24 Ramadan T. Western Muslims and The Future of Islam. – Oxford, Oxford University Press, 2004.

25 Esposito J. The Future of Islam. – Oxford, Oxford University Press, 2010.

26 Dator J. A. Advancing futures: futures studies in higher education. – Westport, Conn.: Praeger, 2002.

27 What is Futures Studies? // Official web-site World Futures Studies Federation // [Electronic source] URL: <https://wfsf.org/about-futures-studies/> (Accessed 21.06.2024)

28 Saradar Z. Islamic Futures // *The Postnormal Times Reader*. IIIT & CPPFS, 2019. – P. 318.

29 Saritas O. & Smith J. The Big Picture – trends, drivers, wild cards, discontinuities and

weak signals // Futures. – 2011. №43(3). – P. 292-312.

30 Sardar Z., Serra Dzh, Dzhordan S. Musul'manskiye soobshchestva v postprivychnoye vremya: forsayt dlya trendov, nazrevayushchikh problem i stsenariyev [Musul'manskiye soobshchestva v postprivychnoye vremya: forsayt dlya trendov, nazrevayushchikh problem i stsenariyev]. – SPb.: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2021. – 344 с. (in Russ)

31 Voros J. The Futures Cone, use and history // The Voroscope. // [Electronic source] URL: <https://thevoroscope.com/2017/02/24/>

the-futures-cone-use-and-history/ (Accessed 21.06.2024).

32 Clarke A.C. Profiles of the future: An inquiry into the limits of the possible. – London, Millennium edn, Orion Books, 2000.

33 Dator J.A. Foreword, in R.A. Slaughter S. Inayatullah & J.M. Ramos (eds). The knowledge base of futures studies. Professional CD-ROM edn. – Australia, Foresight International, Brisbane, 2005.

34 Dator J. Emerging Issues Analysis: Because of Graham Molitor // World Futures Review. – 2018. №10(1). – P. 5–10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Валентиновна Музыкаина

научный сотрудник, доктор исламоведения (PhD), кандидат философских наук, Центр постпривычной политики и исследований перспектив будущего, Алматы, Казахстан, e-mail: yelena@andrews.edu, ORCID ID 0000-0003-3206-0799

Елена Валентиновна Музыкаина

ғылыми қызметкер, философия ғылымдарының кандидаты, Постқалыпты саясат және болашақ перспективаларын зерттеу орталығы, Алматы, Қазақстан, e-mail: yelena@andrews.edu, ORCID ID 0000-0003-3206-0799

Yelena Muzykina

Fellow, PhD Islamic Studies, Candidate of Science in Social Philosophy, Centre for Postnormal Policy and Futures Studies. Almaty, Kazakhstan, email: yelena@andrews.edu, ORCID ID 0000-0003-3206-0799

